

Когда черные испарения рассеялись, на Равнине Белых Костей появилось кое-что еще.

Не кости, не злые духи и не те сломанные клинки и мечи, которые три тысячи лет некому было предать земле.

Это было дерево.

Оно выросло ровно на том месте, где только что стоял Сюй Мо, — точь-в-точь такое же старое дерево софоры, какое росло у входа в лапшичную в Поселке Цинши. Толстый ствол, густая листва, а корни уходили глубоко в напластования белых костей, словно оно стояло здесь уже целую тысячу лет.

Под деревом не было тела Сюй Мо. Лежали лишь аккуратно сложенный потрепанный черный балахон и пара тщательно вымытых бамбуковых палочек для еды.

На черном балахоне лежала записка. Я наклонился и поднял ее: чернила еще не до конца высокли, почерк тонкий и твердый, каждый штрих и точка выписаны уверенно — точь-в-точь почерк того самого человека, чье перо я только что держал в руке. На ней было всего две фразы.

Черный балахон — Цзинчжэ, на улице холодно. Палочки оставьте мне, в следующий раз, когда будем есть вонтоны, они еще понадобятся.

Я долго смотрел на нее, а затем протянул записку Шэнь Цзинчжэ. Тот опустил взгляд на слова, выражение его лица не изменилось, но рука, возвращавшая меч в ножны, дважды дрогнула, и оба раза он не смог попасть клинком в ножны.

Он сказал — в следующий раз, — голос Шэнь Цзинчжэ прозвучал очень тихо.

Да. Он сказал — в следующий раз.

Значит, он не умер. Быть может, его забрал Небесный Путь, а может, он остался в той софоре каким-то непостижимым для нас образом. Во всяком случае, он не умер — по крайней мере, не погиб окончательно. Он просто сменил обличье, чтобы и дальше приглядывать за нами. Словно все последние восемнадцать лет.

Лю Руянь присела на корточки под деревом, подобрала бамбуковые палочки и завернула их, двигаясь очень медленно — в сто раз медленнее, чем когда она пересчитывала духовные камни в лапшичной. Возьмете с собой в следующий раз. Он так сказал. Она поднялась на ноги, встряхнула черный балахон и набросила его на плечи Шэнь Цзинчжэ. Балахон был велик и мог укрыть его целиком. Шэнь Цзинчжэ не стал отказываться.

Он протянул руку, запахнул воротник и произвел:

— Пойдемте.

Он повернулся и зашагал прочь с Равнины Белых Костей, ступая еще увереннее, чем когда они шли сюда. Тот ржавый меч наконец полностью скрылся в ножнах, синева на его лезвии угасла, но гул внутри ножен не прекращался — не жажда убийства, а что-то более глухое, похожее на раскаты грома, затаившиеся за далекими горами.

Я не сразу последовал за ними. Я стоял под софорой, запрокинув голову и глядя на густую листву. Мрачные тучи над Равниной Белых Костей медленно рассеивались, и полуденное солнце пробивалось сквозь их разрывы, падая на листья и отливая слабым золотистым сиянием. В какой-то момент мне показалось, что в глубине ветвей мелькнула пара темно-красных глаз, исчезнувших в тот же миг, словно кто-то моргнул внутри ствола дерева.

У меня защипало в глазах, но я не плакал. Впереди еще столько дел, а слезы — это для праздных людей. Я не праздный человек. Я конфуцианский практик в восемнадцатом поколении рода Сюй, Святой, за которого отдал свою жизнь человек по имени Сюй Мо.

— Уходим, — сказал я.

Ворон слетел с ветки и опустился мне на плечо. Он легонько клюнул меня в ухо, совсем не так больно, как раньше, когда отвешивал мне пощечины. Наверное, он тоже решил, что на сегодня хватит.

Когда мы вышли с Равнины Белых Костей, Янь Байлоу уже ждал снаружи во главе Стражи Сюаньлюй. Увидев, как мы трое выходим из серо-белой пустоши, он на мгновение замер, затем поправил одежду и отвесил безупречный по всем правилам чиновничий поклон.

— Почтеннейше приветствуем Святого.

Я отмахнулся:

— Хватит церемоний. Кризис в Цинчжоу миновал, но затаившаяся здесь злоба лишь временно подавлена, случится ли что-нибудь вновь в будущем, я ручаться не берусь.

Янь Байлоу выпрямился и серьезно посмотрел на меня:

— Это дела будущего. А о будущем подумаем, когда оно настанет.

Он достал из рукава нефритовый жетон и протянул его мне:

— Это передающий жетон Стражи Сюаньлюй высшего ранга. В какое бы время и где бы ни понадобилось Святому, раздавите его, и Стража явится в течение получаса.

Я взял жетон, взгляделся в вырезанную на нем печатью малого Чжуань надпись закон, и вдруг вспомнил кое о чем.

— Ты говорил, что Цинчжоу должен мне обед. Это еще в силе?

Янь Байлоу на миг опешил, а потом улыбнулся. Когда он улыбался, то выглядел гораздо моложе, чем с каменным лицом — лет на двадцать с небольшим, едва ли старше меня и Шэнь Цзинчжэ.

— В силе. Самый лучший ресторан в Цинчжоу, ради Святого его полностью освободят от посетителей.

— Не нужно никого выгонять. Оставьте паруснической братии пару столиков в углу, хоть послушаем больше цзянхуских сплетен.

— Неужели Святой развивает сеть разведки?

— Нет, просто хочу послушать, как меня хвалят.

Улыбка Янь Байлоу застыла на лице. Стоявшая рядом Лю Руянь не выдержала и прыснула со смеху. Шэнь Цзинчжэ запахнул воротник черного балахона, и уголки его губ едва заметно дрогнули. Ворон каркнул, словно выругав меня за бесстыдство.

Обратная дорога оказалась длиннее пути сюда. Потому что нам больше не нужно было спешить. Три лошади бок о бок шагали по главному тракту, копыта ступали по лучам заходящего солнца, и темп был размеренным, как старая-старая песня.

На одной из развилок Лю Руянь вдруг натянула поводья, глядя на дорожный указатель: Поселок Цинши ← / Секта Лазурного Облака →. Она долго молчала, а затем достала из сумки для хранения письмо и протянула его мне.

— Отошли в секту за меня.

— Что там написано?

— Что все в порядке. И заодно передай Учителю, что мне на воле живется хорошо. Лучше, чем на горе.

— Боишься, что Учитель будет волноваться?

— Нет, — Лю Руянь вскинула подбородок, но голос ее прозвучал гораздо тише обычного. —

Пусть знает, что тогда, разрешив тебе спуститься с горы, он поступил правильно.

Я взял письмо и спрятал его, не став больше ничего расспрашивать. У каждого свои причины не возвращаться в секту. Меня выгнали, Шэнь Цзинчжэ изначально не принадлежал к Секте Лазурного Облака. Лю Руянь же не возвращалась потому, что не хотела, чтобы Учитель видел ее нынешнюю — не то чтобы плохую, а слишком хорошую жизнь. Слишком хорошую для того, чтобы этот мягкосердечный старик почувствовал себя брошенным. Она предпочитала, чтобы Учитель думал, будто она просто набирается опыта в миру, а не нашла себе место лучше.

Когда показался Поселок Цинши, солнце как раз опустилось за западные холмы, и тучи на краю неба пылали оранжево-красным пламенем. У старой софоры на восточной окраине поселка все так же покачивалась на ветру вывеска лапшичной. По дороге обратно Лю Руянь специально сделала крюк к почтовой станции у подножия Секты Лазурного Облака и отправила письмо Чжоу Дафу, так что внутри лапшичной не успело накопиться много пыли.

Шэнь Цзинчжэ привязал лошадь на ее привычном месте под софорой, толкнул дверь лапшичной, вошел внутрь и зажег масляную лампу. Тусклый свет заполнил все помещение: те же четыре стола, тот же старый железный меч на стене и тот же ржавый кухонный тесак на задворках. Все было точно так же, как перед нашим уходом.

Только кое-что добавилось.

На столе прямо посреди лапшичной неизвестно когда появился прибор для еды.

Не те грубые глиняные чаши, которыми мы пользовались раньше, а селадоновая чаша, на боку которой было вырезано крошечное изречение. Я присмотрелся — всего восемь иероглифов: Вонтоны рода Сюй, место ждет возвращения.

Колинс, любящий устричный соус, искренне представляет: Только что стал конфуцианским мудрецом, а ты заставляешь меня предать секту?

Пальцы Лю Руянь впились мне в руку.

— Больно.

— Раз больно, значит, не сон.

Не сон. Кто-то приходил сюда, пока нас не было, а может, и еще раньше. Возможно, эта лапшичная с самого начала принадлежала не только Шэнь Цзинчжэ; возможно, Сюй Мо давным-давно присмотрел это место, выбрал эту софору и эту лапшичную, а потом в какой-то день тихонько оставил здесь лишнюю пару палочек с чашей в ожидании того дня, когда мы соберемся вокруг них, чтобы поесть вонтонов.

Шэнь Цзинчжэ долго смотрел на эту посуду, а затем повернулся и ушел на кухню. Вскоре оттуда донесся стук ножа, рубящего начинку — ровный ритм, точные движения, интервалы между каждым ударом лезвия были абсолютно одинаковыми.

Он сварил четыре порции вонтонов. С начинкой из трех свежих деликатесов, поменьше зеленого лука. Одну миску он поставил перед собой, вторую пододвинул Лю Руянь, третью — мне, а последнюю отнес к тому столу, где стояла селадоновая чаша, поставив ее рядом с ней и положив рядом пару бамбуковых палочек.

Те бамбуковые палочки не были теми, что Сюй Мо оставил под деревом. Они были из числа тех, что изначально хранились в лапшичной, точь-в-точь как те, что принадлежали Сюй Мо, — купленные, скорее всего, в одном и том же месте, в лавке всякой всячины на восточной окраине Поселка Цинши, по три медяка за пучок.

— Едим, — сказал Шэнь Цзинчжэ.

Никто не произнес ни слова. В лапшичной раздавался лишь стук палочек о чаши да шелест листьев софоры за окном. Ворон примостился на подоконнике, перед ним тоже стояло маленькое блюдечко с кусочками теста, которые Шэнь Цзинчжэ оставил специально для него. Птица ела тихо, не пытаясь никого ударить крылом.

Съев половину, Лю Руянь вдруг отложила палочки:

— Сюй Ань. Как думаешь, дядюшка Ци сейчас...

— В том дереве, — я кивнул на окно, в сумерках силуэт старой софоры на востоке поселка отчетливо выделялся на фоне неба. — Не совсем так, как обычные деревья, но все же софора.

— А что за история с этой софорой?

— В древности софору звали деревом тоски. Тоска по дому, тоска по близким. Те, кто сажает софору, обычно кого-то ждут.

Лю Руянь немного помолчала, притянула к себе чашу и продолжила есть вонтоны. Она ела очень медленно, куда медленнее обычного, словно пытаясь запомнить вкус этой порции надолго.

Ночью Лю Руянь сводила дебет с кредитом. Она скрупулезно записывала на бумаге все расходы на эту поездку: корм для лошадей — три монеты, ночлег на постоялом дворе — два ляна, инвестиции в расширение курятника Чжоу Дафу — пятьсот духовных камней, а также плата за уход за ржавым мечом Шэнь Цзинчжэ. После того как вся ржавчина с него сошла, сила клинка возросла больше чем на три десятых, но вместе с тем он стал капризным: каждый день его приходилось протирать духовным маслом, а оно стоило немало.

— Этот меч теперь придется натирать маслом каждый день? — Лю Руянь хмурилась, уставившись в бухгалтерскую книгу.

— Да.

— Один флакон духовного масла стоит пятьдесят духовных камней, в месяц набегает полторы тысячи —

— Я заплачу сам.

— С чего это ты вдруг платишь? Разве доходы лапшичной не принадлежат мне... то есть нам.

Лю Руянь резко исправила себя на «нам», с совершенно невозмутимым видом поставила галочку рядом со строкой про духовное масло и приписала одно слово: Одобрено.

Шэнь Цзинчжэ молчал, молча протирая клинок. Но его палец легонько постучал по лезвию, точно так же, как перед началом пути, — это была его привычка во время раздумий. Только на этот раз после постукивания в уголки его рта появилась едва заметная улыбка.

Ночь была глубокой.

Лю Руянь уснула, уткнувшись лицом в стол, а рядом так и осталась лежать незавершенная бухгалтерская книга. Шэнь Цзинчжэ прислонился к дверному косяку, прикрыв глаза, рука его покоилась на рукояти меча. Он не спал — ему не нужен был сон, его способность спать была вытеснена силой меча еще десять лет назад. Но сейчас его дыхание было ровнее обычного, возможно, он не спал, а просто немного расслабился.

Я сидел на каменных ступенях под софой. Ночное небо над Поселком Цинши было чистым, на краю небосклона висел тонкий серп луны, в точности как перед отправлением в путь. Ворон устроился у меня на коленях, его темно-красные глаза были полузакрыты, и вид у него был сонный.

— Он что, с самого начала знал, что превратится в дерево? — спросил я у ворона.

Ворон приоткрыл один глаз, взглянул на меня и снова закрыл. Это означало «чушь собачья».

— Тогда почему он мне не сказал?

Ворон даже не открыл глаз. Его крыло чуть шевельнулось, словно он пожимал плечами.

Что ж. Некоторые вещи не нуждаются в объяснениях. Точно так же, как и то, почему он

выплевывал кровь и писал иероглифы в Восточном Море, почему оставлял кровавые надписи в Бездне Демонов и почему его утащили в ядовитые топи на Южных Границах. Он никогда ничего не объяснял, он просто делал. И теперь, превратившись в софору, он остался прежним — ему не нужно, чтобы мы его понимали, ему нужно лишь, чтобы мы жили дальше.

Я коснулся пальцами спрятанного на груди пера. Древко было холодным, но в самом его глубоком сердце теплилось едва заметное тепло, словно где-то далеко-далеко кто-то все еще продолжал что-то писать.

На следующее утро Поселок Цинши проснулся от крика петуха. Того самого петуха с криком, полным вопросов, только на этот раз он больше не кукарекал вниз головой. Я убрал со стола посуду и направился на кухню, чтобы помочь Шэнь Цзинчжэ с рубкой фарша. Подойдя к входу, я заметил на пороге вырезанную кем-то строчку. Очень неглубокую, словно процарапанную ногтем. Тонкий и твердый почерк, уверенно выведенные штрихи и точки: «Вонтоны неплохи. В следующий раз клади больше креветок».

Мы втроем долго стояли перед порогом. А потом Лю Руянь вдруг громко всхлипнула и тут же принялась утирать слезы. Утираясь, она ворчала сквозь всхлипы: «Даже пожелания к еде умудрился вырезать на пороге — до чего же этот человек боялся, что мы о нем забудем?»

Шэнь Цзинчжэ ничего не ответил. Он молча повернулся, вошел в глубину кухни, достал креветки с самой дальней полки шкафа и положил их на самое видное место разделочной доски. Затем взял тесак и принялся рубить начинку. Сегодня фарш был из трех свежих деликатесов, и креветок в нем оказалось гораздо больше обычного.

Совсем рассвело, и посетители один за другим потянулись в лапшичную. Первым вошел Чжоу Дафу, с порога закричав: «Бессмертная фея, когда уже заработает моя индустрия курей головой вниз?» За ним последовали знакомые лица из поселка, каждый заказал по миске вонтонов и сел на свое привычное место. Солнечные лучи пробивались сквозь открытую дверь, падая на селадоновую чашу, и ее край отливала слабым золотистым светом.

Я сидел на табурете у входа, сжимая в руке то самое перо. Древко по-прежнему оставалось прохладным, но в самой его глубине крошечная искорка тепла так и не угасла. Ворон дремал на ветке софоры, изредка приоткрывая один глаз, чтобы посмотреть на толчею людей у входа в лапшичную.

Внутри Лю Руянь свела последние дебет с кредитом, захлопнула бухгалтерскую книгу и объявила, что чистая прибыль за этот месяц выросла на четыре десятых. Шэнь Цзинчжэ вынес первую порцию свежесваренных вонтонов, от которых поднимался пар, а зеленый лук плавал на поверхности бульона, точно зеленые звезды. Он поставил ту самую миску с дополнительными креветками на старое место рядом с селадоновой чашей, затем вернулся на свой табурет, взял палочки и принялся за собственную порцию.

Снаружи тихо шелестели листья старой софоры.

Корни этого дерева уходили глубоко-глубоко под землю, пронзая почву, скальные породы и три тысячи лет молчаливого времени. Внутри древесного ствола кто-то тихо сидел, а губы этого человека трогала легкая улыбка.

Перед ним стоял стол. На столе было четыре миски вонтонов. Одна — его собственная, три — оставленные для нас. Он взял те самые бамбуковые палочки, которыми пользовался целое десятилетие, подцепил вонтон, отправил его в рот и долго-долго медленно жевал.

— Все-таки чуть-чуть пересолено, — сказал он.

А затем с улыбкой покачал головой и принялся за следующий.

<http://bllate.org/book/21206/2146458>